

АНАИТ САИНЯН

Саинян А.

С 14 Жажда: Роман. Авториз. пер. с арм. Т. Смолян-
ской и С. Хитаровой. — М.: Сов. писатель, 1986. —
464 с.

Новая книга Анаит Саинян — роман «Жажда» — вместила в себя обширную художественную панораму жизни предреволюционного армянского села, многогранный процесс духовного мужания героев. Своим произведением писатель утверждает: пока существует кровная связь человека с землей, земля эта сохранит и приумножит свою красоту и богатство.

За роман «Жажда» автор удостоена в 1984 году Государственной премии Армянской ССР.

С 4702080200—397
083(02)—86 273—86

ББК 84.Ар7

Анаит Арамовна Саинян

ЖАЖДА

М., «Советский писатель», 1986, 464 стр.

План выпуска 1986 г. № 273

Редактор *М. Э. Кузьян*

Худож. редактор *А. С. Томили*

Техн. редактор *Г. В. Белькова*

Корректоры *Л. Н. Фролова* и *Ф. Н. Аврунина*

ИБ № 5018

Сдано в набор 07.05.85. Подписано к печати 31.10.85. Формат 84×108^{1/32}. Бумага кн.-журн. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 24,36. Уч.-изд. л. 26,30. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1121. Цена 2 руб. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3

АНАИТ САИНЯН

РОМАН

*Авторизованный перевод
с армянского Т. Смолянской и С. Хитаровой*

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1986

Художник Владимир Фатехов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Среди ночи Ваан вдруг проснулся. Ему стало страшно, как бывало страшно в тех снах, что мучили его после долгих вечеров, которые он просиживал у тонира¹, слушающая бесконечные истории про злых духов.

Ваану показалось, что в доме он один-одинешенек. Скрипели балки, сыпалась земля из ердыка². Наверно, это пробудились злые духи и со свистом и визгом носятся по крыше, кидаются друг на друга, выдавая этим свое тайное присутствие. Словно волчья стая, они с воем скачут с одной крыши на другую, топоча ногами, задевая камни, которыми закладывают на ночь ердык.

Почти не дыша, Ваан вслушивался в эту возню, потом тихонечко, боясь, что его могут обнаружить, забился с головой под одеяло. Такая вот жуткая, кишевшая злыми духами ночь настигла прошлой зимой в открытом поле отца Ваана.

В тот год большая беда обрушилась на село. В начале мая, когда сады уже стояли в цвету, неожиданно-негаданно ударил мороз. В середине зимы в семье Ваана кончились припасы. Бабушка и мать уговорили отца поехать в дальнее село к замужней тетке и выпросить взаймы немного муки.

Ранним утром, когда Ваан еще лежал в постели, отец, подталкивая осла, вывел его из-за плетеной ивовой перегородки, отделявшей жилье от хлева. Осел дошел до столба, подпиравшего потолок в середине комнаты, и, широко расставив передние ноги, уперся, словно врос в земляной пол, будто чуял, что не вернуться ему больше никогда в свой теплый закуток...

Отец с трудом вывел осла из дома. Ваан видел, что отцу невесело, глаза его печальны, будто и он предчув-

¹ Тонир — очаг, печь в земле, где выпекают лаваш.

² Ердык — отверстие в крыше, дымоход и одновременно окно.

ствовал ожидавшую их беду. Но делать нечего, надо было ехать.

А через неделю, ясным солнечным днем, когда наступила оттепель и по улицам запели, загомонили ручьи, к воротам подъехала арба дяди Барсега.

Ваан ликуя помчался к арбе, чтобы забраться туда. Не часто выпадало такое счастье, не часто возле их дома останавливалась арба! Дядя, который обычно прикрикивал на него и даже, случалось, проходилась хворостиной по спине, когда, забежав во двор, мальчик пытался вскарабкаться на арбу, сейчас молча и как-то очень бережно взял Ваана на руки и тут же передал своей жене, которая, утирая фартуком слезы, быстрыми шагами подошла к ним.

Потом дядя и несколько мужчин окружили арбу, сняли с нее что-то длинное, завернутое в палас, и осторожно внесли в дом.

По тому, как закричали, запричитали мать и бабушка, Ваан догадался — это был отец. В тот же день его положили в гроб и унесли на кладбище.

...Ваану почудилось — кто-то плачет во дворе, то скребется в дверь, то колотится об нее. А наверху по-прежнему металась, завывала стая волков. Сбиваясь в кучу, они рвали друг друга за горло, кружились по крыше, как по гумну. И чем яростнее они схватывались, тем громче раздавался плач за дверью, тем тревожнее, настойчивее стук.

Затаившись, Ваан с ужасом прислушивался к этим звукам. Отец... Конечно же это он. Мальчик отчетливо различал его голос. Не дай бог распахнется дверь! Жалко отца, но Ваан так боится мертвецов!.. Уходи, отец, уходи, если не хочешь, чтоб у твоего сына разорвалось сердце!

Отец молит долго и горестно:пусти! Но вместо жалости в душе Ваана растет, заполняет все страх. Только одно может сейчас спасти — закричать, разбудить мать. Но где там кричать! Он и пошевелинуться не смеет.

Ваану уже нечем дышать под одеялом. Надо, непременно надо что-то сделать!.. Собравшись с духом, он тихонько придвинулся к матери, прижался к ней. Родное тепло согрело мальчика, развеяло испуг... Теперь ни к чему было будить мать. Ваан поверил, уговорил себя, что на крыше просто шумит, стонет метель, а в дверь рвется и стучит ветер.

Успокоившись, Ваан высунул голову. Сразу стало легче дышать. Он подткнулся головой в шею матери. Сейчас можно бы и снова заснуть... Но что-то холодное щекотно скользнуло по лицу. Ваан провел рукой по щеке — мокро! Значит, вьюга не давала спать и матери, неотвязно напоминая о беде, обрушившейся на них год назад.

Мать плакала. Ваан замер, затих...

— Ох, дитя мое, дитя мое милое, — горестно прошептала бабушка, лежавшая тут же рядом, на рундуке.

Заскрипела тахта, где спал дядя Бахши... Он тоже проснулся и беспокойно ворочался с боку на бок.

Рассветало медленно, долго, тягостно...

Дядя Бахши наконец встал, оделся и вышел во двор. Снял камень с ердыка и, вернувшись, сразу прошел за перегородку — задать корм корове.

Мать тоже оделась, сидя на постели, перевязала платок на голове и спустилась с рундука. Кряхтя, стала одеваться и бабушка.

Ваан вылез из-под одеяла, когда комната была уже полным-полна дыма. За перегородкой, что-то ласковое говоря корове, шаркал метлой Бахши. Бабушка помещивала черпаком kloкочущую пшеничную похлебку. Пена сбегала на огонь, источала дразнящий запах.

Вьюга наконец стихла. Высохли и слезы в глазах бабушки и матери. Ночь, полная страхов и отчаянья, осталась позади. И какая же, оказывается, радость — этот сизый, смешанный с дымом свет, что льется из ердыка!.. И каким блаженным покоем окрашивает раннее утро этот привычный огонь, потрескивающий под котлом. А бульканье похлебки, а гарь сбегаящей в очаг пены!..

Бабушка зачерпнула варево, подула, хотела попробовать. Ваан стремглав бросился к ней, вцепился в юбку: — Дай!

Бабушка протянула черпак с мутноватой жижицей.

— Не сварилась пока, сынок, да и не солила еще...

Ваан одним духом проглотил похлебку и потребовал добавки. Как это не сварилась, зачем солить? И без того вкуснее вкусного!

Он ныл, хныкал, не отставал от бабушки. Она пошла за солью — он по пятам за ней, вернулась — Ваан тут как тут, заглядывает в котел, глотает слюну, топает ногами. Но бабушка будто не видит и не слышит.

— Ох, сынок, ох, сыночек... — вздыхает она, покачивая головой... Погруженная в свои думы, бабушка привычно помешивала похлебку и время от времени сгребала в кучу пылающие угли под котлом. Потом подняла глаза, кинула невестке: — Ребенок с голоду помирает, собирай на стол!

Из-за перегородки появился Бахши, подошел к кувшину, стоявшему у порога, наклонил его, плеснул несколько раз в лицо водой, утерся полой архалука¹ и направился к столу.

Ваан кинулся за своей миской, но торопился он, как всегда, зря: по обычаю первому наливают старшему мужчине в доме. Наполнив глиняную плошку Бахши, бабушка поставила ее перед ним и только после этого взяла медную миску Ваана.

Когда поели и мать начала мыть посуду, бабушка принялась за свою пряжу, а Бахши снял с полки дудку, сунул ее в карман и пошел скоротать часок-другой с друзьями-приятелями.

Ваан вытащил из-под рундука бабки. Вряд ли кто-нибудь еще в селе мог насчитать у себя столько, а если и мог, то уж такой свинчатки точно ни у кого не было: сколько побед одержал Бахши с ее помощью всего два года назад!

Сидя на рундуке, бабушка покручивала веретено и негромко, жалостливо приговаривала:

— Ох, сынок мой, бедный мой сыночек, на горе нам ты с нечистой силой повстречался, дитя ты мое бесталанное.

Отложив на минуту веретено, чтобы вытереть слезы, она попутно бросала невестке: «Подкинь кизяку в очаг, как бы огонь не погас...», «Погляди, что там корова беспокоится, не сорвалась ли с привязи...», «Подмети комнату...».

Мать прислушивалась к тоскливым причитаниям старухи, старалась уловить малейшие перемены в ее интонации и сама то тихонько всхлипывала, то рыдала в голос, но при этом, прервав свою работу, быстро, хотя и без особой охоты, бросалась выполнять очередное приказание свекрови.

Постепенно все больше увлекаясь игрой, Ваан перестал прислушиваться к бабушке и матери: их слезы, их

¹ Архалук — мужская верхняя одежда типа короткого кафтана.

печальные слова, тяжелыми ледышками падавшие ему на сердце, вдруг словно скатились поодиночке и растаяли.

Ваану казалось, что руки его творят чудеса. Он выстроил кон и, отступив на несколько шагов, прицелился свинчаткой в середину. Удар — и средний казанок упал, не задев остальных! Это был успех, которым мог гордиться настоящий игрок. Ваану захотелось, чтобы мать и бабушка оценили его мастерство. Он приставал к ним до тех пор, пока они не обернулись в его сторону, и снова так же ловко запустил биту. Лицо матери просияло, она улыбнулась, бабушка совсем расчувствовалась:

— Молодец, молодец, мой соколик! Радость ты моя, надежда...

Ваан не знал, как ему ответить на такую необычную ласку. Он стал кричать, кукарекать, кувыркаться. Мать и бабушка засмеялись сквозь слезы. Ваан разошелся еще пуще. О, как прекрасно, когда в доме вместо причитаний ввенит смех!

Ваан готов был хоть весь день ходить на голове, охрипнуть, подражая голосам разных птиц и зверей, готов был вообще на части разорваться, лишь бы не смолкал этот смех в доме. И он, наверное, добился бы своего, если бы к ним не вошли две старухи соседки. Словно ветер занес их в комнату и с громким стуком вахлопнул дверь.

Первая из этих одетых во все черное старух была крупная, тучная, с лицом круглым и плоским, словно ток для молотьбы. Груды у нее были такие, что казалось — под платьем спрятаны два мешка пшеницы. Вторая — росточком с веретено и, как веретено, сухонькая, острая.

Старушки скинули свои черные шали, вручили их матери Ваана, чтобы отряхнула снег, а сами с заблестевшими уже от слез глазами прошли в комнату.

— И врагу своему не пожелаю в такую пору окаться в поле, — сказала та, что походила на веретено.

— Ох, да разве я сына своего в поле нашла, чтобы там его и потерять! — снова застонала бабушка, освобождая тем временем для пришедших место на рундуке рядом с собой.

Старухи уселись и завели наперебой — дружка перед дружкой, — кто скажет больше жалостных слов, больше слез выжмет из глаз у себя и у слушателей. Ваану не хотелось поддаваться их настроению. Чтобы обратить на себя внимание, заглушить голоса старух, их мрачные

речи, которые так томили его, он снова начал кричать, визжать, кувыркаться.

Сперва старухи словно не замечали его — так были поглощены горькой своей усладой. Потом, когда шум, поднятый Вааном, помешал им слышать друг друга, бросил недовольный взгляд в сторону мальчика. Наконец и вовсе заткнули уши. Тогда бабушка, погрозив пальцем, велела Ваану замолчать. Но тот продолжал по-прежнему шуметь и орать. Сам чувствовал, что безобразничает, но остановиться не мог.

Старухи переглянулись: «Не дай бог такого внука, это не дитя — наказание». Такого бабушка стерпеть не смогла. В гневе она швырнула в Ваана веретено. Оно угодило ему в плечо. Было не так больно, как обидно. Ваан вскипел, он уже не владел собой, ничего не сообщал. Все, что попало ему под руку — веник, черпак, ложки, крышка от казана, — полетело в бабушку.

— Свят, свят... — закрестились старухи. — Ох, Салби-джан, за что тебе такая напасть?

Не успели они договорить, как в них полетели старые лапти, щипцы. Мать, подбежав, схватила Ваана, оттащила в угол, принялась лупить, пока старухи не сжалились:

— Ну, будет, будет, невестка, отпусти, он свое получил.

Скорчившись в углу, Ваан ревел в три ручья. Потом притомился, стал всхлипывать все реже и реже и наконец совсем затих. Забыв о нем, старухи на рундуке усердно пряли и под жужжание своих веретен перемывали косточки односельчанам.

— В доме у Марука кровью пахнет... Сваты обманули с приданым, отец и братья теперь со света сжидают парня и невестку...

Ваана ничуть не занимало приданое невестки Марука. Он неслышно встал, подошел к двери, приоткрыл ее и незаметно выскользнул во двор.

Ветер стих. Медленно опускался на землю вечер. Снег из белого стал голубым. Огромные сугробы скрыли ограду, отделявшую их двор от двора дяди Барсега. Ничего не было видно: ни крыши дядиного дома, ни улицы. Все вокруг белым-бело. Ваан сделал несколько шажков и остановился. Если мать не заметит его исчезновения и не выглянет за дверь, он может по следам, протоптанным старухами, дойти до улицы, а оттуда юркнуть в ка-

литку дяди Барсега. Если же она поймет, что задумал, втащит в дом, исколотит пуще прежнего.

С дядей Барсегом их семья в ссоре, не разговаривают, не бывают друг у друга.

Когда не стало отца, дядя Барсег помог им летом убрать и обмолотить пшеницу, но большую часть зерна взял себе, а солому так и вовсе забрал, объяснив так: «Для коровы вашей сена хватит, а осел все равно подох, не будете же сами вместо него солому жевать!» Бахши вскипел, хотел силой вернуть солому, но Барсег избил его, а мать Ваана и бабушку изругал на чем свет стоит.

И все-таки Ваан любил бывать у дяди. Там всегда можно посидеть у горящего тонира, а тетка нет-нет да угостит чем-нибудь вкусным. Дядя, правда, делает вид, что не замечает племянника, зато Гево, Амо и Сато охотно играют с ним, никогда не спорят, уступают...

Ваан почувствовал, что ноги у него совсем заковали, чуть к земле не примерзли, и двинулся дальше. Путь этот был для него длинным и трудным. Он падал, проваливался в снег, пугался, что без чужой помощи не выберется, а ведь, как только стемнеет, сюда могут примчаться волки. Крик уже был готов вырваться из его груди, но мальчик сдержался и, собрав все силы, выкарабкался из сугроба, опять зашагал.

Вот наконец и дядин дом. Тетка, словно почуяв, что кто-то стоит за дверью, приоткрыла ее, впустив Ваана. Он шагнул в комнату и сразу затерялся среди своих двоюродных братьев и сестер. Все они — от ползунка Аво до уже помогавшего отцу подростка Шаво — сплелись в полутемной комнате в один хохочущий, визжащий, дерущийся клубок.

Но тут тетка зажгла светильник, а дядя Барсег вышел из хлева, где задавал на ночь корм волам.

Семья уселась за стол, и Ваан вместе со всеми тоже ел из большой общей миски сваренную в тонире вкусную похлебку. В нее накрошили сухого лаваша, да так много, что получилось густое месиво — завязни вол в таком, даже он не смог бы вытащить ногу. Каждый из едоков брал пальцами размокший лаваш, сжимал его в комок и отправлял в рот.

Никогда дома не доводилось Ваану пробовать такую вкусную еду, какую умела готовить тетка. Но больше, чем сытная похлебка, притягивали его сюда сказки, которые после обеда всегда рассказывал дядя Барсег.

Вытягивалось, колебалось пламя светильника и никак не могло достичь потолка, где, скрытые темнотой, еле видны были дочерна закопченные балки, плотно затянутые паутиной. Все уселись вокруг курси¹. Двое малышей уже крепко спали на полу, задиками впрытык друг к другу, головенками в разные стороны.

Тетка тоже задремала. Поблескивали тяжелые монеты, свисавшие с повязки на лоб, клонили голову вниз.

Ребята не отрывали от дяди Барсега глаз, сверкающих и искрящихся, словно кремешки.

А дядя Барсег, будто испытывая их терпение, говорил медленно, не спеша. В коричневых пальцах, похожих на корни, вывороченные из земли, он держал обгорелую трубку и затягивался чуть ли не перед каждым словом. Его маленькие, острые как буравчики глаза, взгляда которых Ваан так пугался, теперь зажглись огнем, и огонь этот должен был осветить им сказочные пути-дороги.

Дядя Барсег рассказывал о бесстрашном царевице, что добыл живую воду — и воскресла прекрасная, как ангел, девица, единственная дочь у матери. Рассказывал он и про змеиную войну. Сорок дней и сорок ночей бились змеи. Поднялась, взвилась туча, туча пыльная, черная, скрыла от глаз солнце красное. Мертвые змеи горой нагромодились, рекою хлынула кровь алая... Ровно через семь дней и через семь ночей развеялась туча, выглянуло солнышко и стало оно палить, обжигать землю. Пересохли реки, что налиты были кровью, а поля, той же кровью напитанные, заросли колючками да бурьяном...

У ребят круглые от удивления, от ужаса глаза, они слышат, как шипят, сшибаясь в кровавой схватке змеи. Страшно, но все равно просят отца рассказать еще одну сказку. И Барсег охотно соглашается. Теперь он рассказывает о дэве, о чудище с семью головами, о драконе, огненным своим дыханием иссушившим, погубившим заветный сад, такой красивый, какой бывает только в раю.

Ваан сидел поблизости, слушал почти не дыша, лишь изредка бросая взгляд на лицо дяди Барсега. Он не узнавал его. Это был не тот дядя Барсег, всегда злой, настороженный, мимо сада которого никто из ребят не рисковал пройти — любого, кто окажется рядом, так и пронзит глазами, будто насквозь проколет. Это был не

¹ Курси — низкий стол, который ставится над тониром, когда из него уже вынут лаваш, но еще тлеют угли; около курси обычно греют ноги, прикрыв их одеялом.

тот дядя, что прибрал к рукам их сиротскую пшеницу и за несколько снопов соломы до крови избил своего младшего брата; не тот, что из-за очереди на полив сада со всеми перегрызся, перецапался, поклялся до конца дней своих не простить обидчиков. Этот был совсем другой Барсег, весь в горестных морщинах, беспомощный перед злыми силами. Голос его дрожал, срывался, когда он рассказывал, как гибла, высыхала виноградная лоза.

Ваану впервые показалось, что дядина жилистая шея похожа на связку тонких прутьев, чуть пониже подбородка перехваченных воротом рубашки. Занемевшую руку, в которой он держал трубку, Барсег устало опустил на согнутое колено. Одеало сползло с ног, и видно было, как острое худое колено торчит из прохудившейся штанины.

Но вот дядя Барсег улыбнулся, шевельнулись его колючие усы, он приободрился... и вдруг забряцали саблями воины, заржали кони, грозно зарычал дэв. Из пасти его вырвалось, сверкнуло пламя, лизнуло гривы коней, охватило храбрецов... Но они не дрогнули, не отошли! И, как всегда бывает в сказке, добро, которое было уже на волосок от гибели, победило, а зло оказалось повергнутым в прах.

Побеждает доброе и на земле. Все теплее становится на улице. Солнышко пригревает, светит ярче и ярче, выманивает ребят из темных задымленных домов на плоские земляные крыши. Игры тоже теперь стали веселее: лахти¹ и чехарда.

У Ваана карманы прямо раздулись от бабок. Он устроился, разлегся на крыше, поглядывает на дядин дом, поджидает Сато, Геву и Амо. А они у себя во дворе заметили Ваана, но никак не откликаются на его призывные взгляды.

Дядя Барсег копошится у арбы, прилаживает ярмо, ворчит:

— Живей, живей... Чего стоите как истуканы, аршин, что ли, проглотили?..

Он исподлобья косится на ребят, следит, чтобы никто из них не слонялся без дела.

¹ Л а х т и — игра, когда стоящие по кругу ребята должны руками достать тех, кто находится в центре.

Сегодня Барсег первый раз выходит в поле. Уже с неделю, только развиднеется, вся семья на ногах. В доме суета, сутолока: жена возится с налыгачами, дети стремглав кидаются то за гвоздями, то за веревкой, а приносят, стоят молча возле отца, ждут покорно его дальнейших приказаний. Упаси бог в сторону глянуть, отвлечься — не потерпит отец. Все должны быть наготове, на подхвате, даже если и не нужны сейчас.

Сегодня волы кормятся прямо во дворе, возле арбы с навозом, они тоже готовы по первому хозяйскому знаку подняться, подставить шеи под ярмо.

Когда Барсег стал запрягать, один из налыгачей вдруг оборвался, и Барсег злобно швырнул веревку прямо в лицо жене: не подсовывай, мол, прелую. Заорал на весь двор: «Новую тащи!»

Жена растерянно пожала плечами — есть ли у нее в запасе? — и пошла к дому. Барсег, проводив ее глазами, громко проклял весь женин род до седьмого колена. Ишь плетется, еле ноги волочит. Не помня себя, схватил ярмо и запустил вдогонку жене. Она же подпрыгнула от удара, зашаталась, сделала несколько неверных шагов и скрылась в доме. Чуть погода вышла прихрамывая: отыскала все же веревку, годную для упряжи.

Барсег, смягчившись немного, взял у нее веревку и повернулся к среднему сыну:

— Притащи хворостину!

Именно в это мгновение Гево повел себя неосторожно: он загляделся на крышу соседнего дома, где ребята затеяли драку, и не сразу сообразил, что от него требуется. Тогда младший брат Амо, не дожидаясь, пока отец даст волю гневу, кинулся на конюшню. Его длинные худенькие ножки так и мелькали, словно обгоняя одна другую, словно это ветер нес мальчика по камням, по грязи, по навозу.

Мать не зря считала Амо самым добрым, самым ласковым из своих детей. И самым удачливым. Только он мог так от души обратиться и к сестрам, и к отцу с матерью, и к братьям со словом «джан», так искренне, с такой сердечностью произнести его. Улыбчивый, с серо-зелеными живыми глазами чуть не во все лицо, ловкий, справный, он редко навлекал на себя недовольство отца, не раз выручал старших.

Но сегодня к счастливой звезде Амо подкралась туча. Он почему-то застрял в конюшне, и отец, продолжая во-

зиться с упряжью, все с большим нетерпением посматривал в ту сторону. Всех охватило беспокойство, а сильнее всего — Геву.

— Ты что, оглох, когда за делом тебя посылали! — Барсег отвесил Геву звонкую пощечину, и тот, завертевшись волчком, упал на землю. Барсег крупными шагами направился к хлеву. Но вот Амо показался в дверях. Тоненькая шея его стала будто еще тоньше, в глазах затаился страх. Опустив руки, он медленно, виновато шел навстречу отцу.

— Нету хворостины, отец.

— Как это так нету? Сейчас ты у меня увидишь!

Барсег шагнул в хлев и сразу же выскочил оттуда с хворостиной, будто она загодя у него там была приготовлена.

Амо так и застыл у входа. Его штанишки, все в разноцветных заплатах, с трудом удерживал на узеньких бедрах пояс, связанный тоже из лоскутков. Глядя на разъяренного отца, Амо по привычке, как всегда, когда волновался, подтянул штанишки вверх, чуть ли не до подмышек, показав грязные до черноты колени, и отпустил, не почувствовав, как пояс оборвался и штанишки стали медленно сползать с него...

Произошло все будто нарочно, будто по приказу Барсега. Он кинулся к мальчику, зажал его голову под мышкой и стал хлестать по тощему голому задку хворостиной. К счастью, он спешил и через минуту оттолкнул Амо от себя, так что матери не пришлось, раскинув руки, бежать на выручку.

— Щенки паршивые, от бога, что ли, разрешение получили начинать работу когда вздумается?.. Солнце вам нужно — нате, мол... Дел уйма, дни все наперечет, а им хоть бы хны!

И он зашагал к арбе. Волы, хорошо знавшие повадки хозяина, чуть приметив тень хворостины над спинами, что есть силы рванули, вынесли арбу со двора.

— А ну садись! — не оборачиваясь, крикнул Барсег старшим сыновьям и не придержал арбу, а, наоборот, подхлестнув волов, заставил прибавить ходу.

Первым кинулся вслед арбе Геву. До этого, прижав руку к пылающей щеке, он укрывался за спиной матери и думал лишь о том, удастся ли избежать новой взбучки. Шаво, опустив голову на грудь, угрюмо смотрел из-под лохматой гривы на то, как корчится под хворостиной Амо. Он не пытался подставить вместо брата под удары

свои, уже задубевшие плечи только потому, что опасался — еще пуше рассвирепеет отец. Не сразу сорвавшись с места, он все же раньше Гевы догнал арбу.

Едва замолк вдали грохот арбы, мать кинулась к распростертому на земле Амо — дрожа и плача, он поглаживал рукой исполосованное тело.

Рыдал и самый маленький Аво, прижавшись к сестренке, которая была всего на полтора года старше его и нянчила Аво, когда взрослым, занятым работой, было не до них.

Арба же с Барсегом удалялась, подсакивая на кривых ухабистых улочках, предоставив тем, кто остался дома, утешать друг друга.

Многие из односельчан, пригревшись за зиму около курси, даже не заметили, что наступила весна. А Барсег тем временем вывез в поле весь навоз, первым начал пахать. . . За сохой он шел с таким торжественным лицом, с каким, пожалуй, только в церкви молился.

На селе про Барсега говорили, что хоть засунь его в семиаршинную яму, завяжи семью узлами да семью замками запри — все равно учует, когда оттает земля, когда проклюнется первый росток. Рассказывали и другое — как однажды он всю зиму пролежал в постели, завернувшись с головой в одеяло, был почти при смерти — ни век не поднять, ни капли воды проглотить. Со всем плохо ему стало, думали — вот-вот конец придет. Но в один прекрасный день он вдруг открыл глаза, позвал старшего сына и сказал:

— Ну-ка, Шаво, ты у нас самый скорый, сбегай на пригорок, что у ручья, да так, чтоб одна нога здесь, а другая там, разгреби снег, посмотри, не пробивается ли трава, — и мигом назад.

Шаво обернулся быстро.

— Отец, сделал я все, что ты велел, и вижу — в земле тоненькая, с волосок, трещинка и травинка высунулась из нее, острая как иголка.

Барсег улыбнулся:

— То-то же! Недаром чую — пора! Хотя снег еще и держится, а ростки из земли, будто младенец на девятом месяце из утробы материнской, наружу просятся.

Снег в тот год и правда долго держался. Но вот выдался погожий денек, пригрело солнце, снег до обеда

весь сбежал с полей, а на следующее утро пригорок у ручья так и вспыхнул, засветился молодой зеленой травкой. Барсег встал с постели, словно это и не он, а кто-то другой проболел всю зиму, и через несколько дней взялся за соху.

Стук топора на дворе у Барсега, чинившего арбу, служил обычно сигналом для соседей — пора им тоже готовить к пахоте и арбы и сохи, все свое тягло.

Так было и на этот раз, Барсег вспахал две небольшие делянки, где попеременно сеял ячмень и пшеницу, и перешел работать в сад.

Там снег остался только в самом дальнем, северном углу, в тени ограды. От земли шел запах, манящий, как запах обеда, что томится в тонире. Земля пахла, дышала, жила, ласково льнула к ногам Барсега, но не мешала, не налипала на трехи¹, затрудняя шаги, не приставала к лопате.

Осторожно отбросив землю, Барсег подсунул руки под куст, слегка встряхнул его, освобождая от присохших комков, и мягким движением, каким помогают сесть дорожному, близкому человеку, долгие месяцы пролежавшему в постели, поднял лозу.

— Барсег виноградники откапывает, — спохватилось село и, взяв лопаты, двинулось в сады.

Через неделю с остро наточенными садовыми ножницами в руках, низко наклоняясь и вглядываясь, Барсег стал переходить от куста к кусту.

С обрезанных побегов сочился сок и капля за каплей стекал на землю. Заслезились виноградные лозы. Пробуждался от зимней спячки сад.

Мерными взмахами мотыги Барсег рыхлил землю — чтоб легче дышалось ей, чтоб не пошли в рост сорняки, чтобы укрыть от солнца верхний сыроватый слой, сохранить этот маленький запас влаги — пусть поддержит она лозу в летний зной.

По одному он раскрывал каждый штаб, тесаком удалял засохшие побеги и корешки, вылуцивал из-под коры перезимовавших там насекомых и их личинки. Так когда-то чистил он запаршивевшего бычка, которого лалазаровские парни прогнали подальше от своего стада, чтоб не заразил остальных. Жалея бедную животину, Барсег попросил продать ему бычка. Хозяева поначалу

¹ Трехи — обувь из сыромятной кожи.